

про Куртца, хоча саме він несе цю інформацію до читача, послідовно розміщуючи її у розповіді. Отже, Марлоу є об'єднувальним фактором усіх подій та випадків історії.

Таким чином, роман «Серце темряви» англійського письменника Д.Конрада унікальний як у плані змісту, так і форми, тобто як історії, так і нарративного дискурсу. З боку історії, яку, вслід за положеннями формалістської школи, розглядаємо у контексті нанизування мотивів, аналізований твір вступає у діалог із попередньою літературною і загалом культурологічною традицією стосовно специфіки вираження концепції культурного героя, який виведе людей до кращого життя. У такий спосіб автор утверджує думку про відносний характер тих абсолютних вимірів, які застосовувались до оцінки героїв минулого. Водночас у тексті роману використовується унікальна нарративна конструкція для того, щоб означити думку про те, що навколишній світ залишається «річчю-у-собі», пізнати яку до кінця неможливо. Для цього у тексті пропонується цілий спектр протилежних точок зору, мета яких пізнати один об'єкт – персонажа Куртца. Однак, хоча об'єкт один, проте відшукати єдиний код для його розуміння нікому не вдається, навіть нараторові Марлоу, який у творі зображений як повноцінний персонаж, повний усіляких людських суперечностей.

Література:

1. Крымский С.Б. Философия как путь человечества и надежды. – К., 2000. – С. 34.
2. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
3. Шопенгауэр Ар. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Просвещение, 1992. – С. 56.
4. Conrad J. Heart of darkness. – London: Penguin, 1994.
5. Crankshaw E. Some aspects of the art of the novel. – New York: Russell & Russell Inc., 1963. – P. 36.
6. Genette G. Narrative discourse. – Ithaca, New York: Cornell University press, 1983.
7. Wollaeger M. Joseph Conrad and the Fictions of Skepticism. – Stanford: Stanford university Press, 1990.

Виктория ДРАГАН (Горловка, Украина)

ОБРАЗ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В современной лингвистике существует ряд проблем глобального характера не только по существу своей теоретической и практической значимости, но и в связи с тем, что проблемы эти находятся в фокусе внимания многих дисциплин, получая тем самым, прежде всего, общеполитическое осмысление. К ряду таких проблем относится проблема понимания, которая является центральной не только для лингвистики. Она ставится в области естественных наук, не теряет актуальности в психологии и психолінгвистике, логике и математике, открывая новые точки соприкосновения.

Психологи, психолінгвисты и нейролінгвисты обсуждают проблему понимания с точки зрения специфики процессов рецепции, опираясь при этом в значительной мере на психо- и нейрофизиологические особенности отражательной функции мозга, а также

речевой деятельности в норме и патологии. Философы и логики концентрируют внимание на познавательности-эвристической её стороне. Анализируются взаимоотношения между знанием, пониманием, интуицией, предвидением, системным прогнозированием (в частности – свойствами экстраполяции, присущими мозгу и его эвристической деятельности), научным или художественно-эстетическим творчеством с одной стороны, и между субъективным и объективным, статическим и динамическим, пассивным и активным аспектами отражения – с другой. Ведутся также дискуссии об интерпретации самого термина «понимание» в гносеологии и частных науках: точных, естественных, гуманитарных. Не вдаваясь в подробности этих дискуссий, отметим, в частности, что философы и логики проводят существенное различие между пониманием и знанием, определяя первое как динамический процесс адаптации концептуального мышления к совокупности новых явлений, а последнее как статический результат накопления новых знаний. Г.И.Богин пишет, что понимание не является знанием, хотя при переходе от процесса понимания к его результату возникает именно знание. «Понимание и знание – не тождество, а единство» [4, 15]. История науки свидетельствует о полной оправданности подобных разграничений. Знание, в частности, имеет в качестве своей важной потенциальной основы выработку интуиции, играющей важнейшую роль в эвристической актуализации знания как процесса понимания.

Термин «понимание» в любой его внебытовой интерпретации почти неизменно и на протяжении всей истории науки, сначала интуитивно, а затем и сознательно, связывался с понятием «текст» в самом широком смысле, включая и «тексты» научных теорий независимо от типа и структуры их метаязыков, т.е. их терминологического и концептуального аппаратов. М.Бахтин подчёркивал: «Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [2, 297]. Понимание восполняет текст: оно активно и носит творческий характер [2, 366].

Учёные признают, что в современной лингвистике возникла необходимость изучения герменевтических технологий, направленных на эффективность преодоления расстояния между текстом и его адресатами. Такие технологии как техники понимания общены в исследованиях Тверской герменевтической группы [9, 118].

Рассмотрим одно из средств моделирования понимания текста – образ герменевтической ситуации. Существуют различные подходы к определению понятия «понимание», но главным является то, что понимание немислимо без непонимания. Непонимание текста является основной проблемой филологической герменевтики. Диалектическое единство и, с другой стороны, противоречие между пониманием и непониманием формирует герменевтическую ситуацию – потенциальную зону искажений фактуальной или концептуальной информации текста на выходе из коммуникативной системы «автор – текст – читатель», которая создаёт поля рефлексий и тем самым перцептивную остановку чтения [1, 12]. Герменевтические ситуации, как и другие компоненты окружающего мира, могут существовать эмпирически (как факты реальной жизни) и в форме литературно – поэтических образов. Герменевтические ситуации эмпирической реальности относятся к первичной семиотической системе. Герменевтические ситуации-образы являются членами вторичной семиотической системы (язык литературно-художественного творчества). Таким образом, необходимо различать герменевтические ситуации (ГС) реальной коммуникации и образы герменевтических ситуаций (ОГС), которые фиксируют рефлексии над герменевтическими ситуациями эмпирической реальности у автора художественного произведения, маркирующего их с различными стилистико-экспрессивными целями.

С вхождением лингвистики в федерацию когнитивных наук утвердился единый взгляд на образ как категорию сознания и результат ментальной деятельности человека, имеющий вербальную и концептуальную стороны. Открытой остаётся проблема изучения ГС как образа, а также определение ОГС как объекта герменевтического исследования и представления его структуры. Вводя понятие «образ герменевтической ситуации», мы придаём соответствующему явлению все основные черты образа, а именно – структурируем его как четырёхкомпонентную единицу: субъект сравнения – эмпирическая ГС, объект – ОГС, основание – сам механизм понимания, вербализация – тип текстовой формы, выражающей ОГС (диалог, комментарий и др.).

Для целей последовательного анализа ОГС целесообразно применить уровневую модель понимания текста, предложенную В.Г.Байковым [1], так как эта модель наиболее адекватно описывает реальные процессы построения образности в литературно-художественном тексте. Потери информации (актуализация ГС) могут происходить на следующих уровнях: 1) логико-референтном, 2) социолингвистическом, 3) фоновом-этническом, 4) историко-филологическом, 5) эвристико-дискурсивном. Данная модель представляет собой иерархическую систему уровней, единицы которых обладают как относительной автономностью, так и тесными межуровневыми связями в планах парадигматики и синтагматики. Связи эти возникают в результате отношений конструктивности (т.е. вхождения единиц низшего уровня в единицы высшего) и интегративности (т.е. включения единицами высшего уровня низших единиц в свой состав).

Художественная речь моделирует различные ГС как вторичная семиотическая система и включает их в антитезу речевых характеристик, где они приводят к созданию комического эффекта, каламбура, реалистичности описания обстановки действия или усиления экспрессивности при помощи иностилевых введений в беллетристический дискурс (стилизация как транспозиция стилей, синтагматика контраста различных функциональных признаков и т.п.).

ОГС логико-референтного уровня связаны с мотивировкой различного рода «иносказаний», осуществляемой с помощью автоматизированных логических операций выведения явных высказываний из неявных. Сюда относятся: расхождения между звуковым комплексом речевого сегмента отправителя сообщений и сегментацией этого же фрагмента адресатом, многозначность интерпретаций семантического значения одного и того же слова или выражения, понимание каламбуров, построенных на омонимии и полисемии, понимание тропических образов типа эпитета, метафоры, метонимии, использование стилистического приёма параномазии, контаминации, неоформленные синтаксические связи и т.д.

В повести М.Коцюбинського «На віру» ОГС маркируется лишними вставными конструкциями, нарушающими автоматический вывод адресата.

Десятник забелькотів щось так прудко, що Гнат не зразу второпав.

– Прийшла бомага до шинку...той, до старости...загадують, щоб завтра зрання безпрямінно прийшли до корчми... той, як його... у волость... Діло єсть... Глядіть, не гайтєся...

«Мабуть, на суд! Про мене, хай судять», – подумав Гнат [7, 42].

В данном случае десятник говорит о серьёзных вещах: старосте и волостном суде, а думает о шинке и развлечениях. В его речи слова *староста* и *волость* переплетаются с противоположными по смыслу *шинка* и *корчма*, поэтому логический вывод адресата затруднён.

ОГС социолингвистического уровня могут наблюдаться в тех случаях, когда отсутствие взаимопонимания обусловлено социальной стратификацией общества, зафик-

сированной в языковых формах: принадлежности участников коммуникативного акта к различным поколениям, социальным классам, группам, группировкам и т.п., использующим в общении различные подязыки, стилистические регистры, общие и специализированные сленги, жаргоны, терминологические системы.

Наиболее очевидным проявлением социолингвистических ОГС в художественном произведении является нестандартная лексика, а именно – жаргонизмы, арготизмы, вульгаризмы, диалектизмы, варваризмы и т.д. Реляционный аспект такой группы социалектизмов заключается в их соотносённости с нормой, субстанциальный – в семантической структуре. Примером может послужить речь Мартина Идена в гостях у Морзов:

“Once, he declined something from the servant who interrupted and pestered at his shoulder, and he said, shortly and emphatically, “Pow!”

On the instant those at the table were keyed up and expectant, the servant was smugly pleased, and he was wallowing in mortification. But he recovered himself quickly.

“It’s the Kanaka for finish,” he explained, “and it just came out naturally. It’s spelt p-a-u.” [11, 23-24].

Важнейшим аспектом проблемы понимания является механизм межкультурного общения, основанный на фоновом знании и фиксированный в языковых формах, которые моделируются конфронтацией различных культурных систем. «Роль «фонового знания» в процессе восприятия устной и письменной речи чрезвычайно велика. Недостаточное «фоновое знание» или отсутствие его делает невозможным понимание. Только наличие определенного рода «фонового знания» даёт возможность читателю ориентироваться...» [6, 5-6].

ОГС фовоно-этнического уровня чаще реализуется в межкультурной коммуникации. Инокультурным считается также текст, функционирующий в однородной национальной среде, но в разные исторические эпохи. «Случай, когда художественный текст “удалён” от читателя во времени, можно, по-видимому, рассматривать как частный случай принадлежности текста к другой культуре» [3, 31]. В произведении И.Шмелёва «Лето Господне» герою не понятен смысл евангельского высказывания:

«Меня сажаят читать Евангелие: “Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду...” Я не могу понять: Авраам же мужского рода» [10, 216].

В данном примере существует несовпадение культурных фонов автора и читателя, несмотря на то, что Евангелие стало частью родной для героя культуры. Однако следует учесть, что текст Евангелия был написан в другую историческую эпоху.

ОГС историко-филологического уровня маркируются при помощи таких явлений, как цитация, эпиграмма, сюжетно-тематическая структура, аллюзия, стилизация, пародия. Каждое из этих явлений имеет, в свою очередь, внутреннюю типологию, которая для одних исследована подробнее, для других – либо менее подробно, либо вообще не изучена. В связи с тем, что интертекстуальные связи являются неотъемлемой частью каждого современного художественного произведения, ОГС историко-филологического уровня часто встречаются в литературе постмодернизма, которая всё больше становится не литературой о жизни, а литературой о литературе. «Созданный автором текст», – пишет Ю.М. Лотман «оказывается включённым в сложную систему внетекстовых связей, которые своей иерархией нехудожественных и художественных норм разных уровней, обобщённых опытом предшествующего художественного творчества, создают сложный код, позволяющий дешифровать информацию, заключённую в тексте» [8, 357].

– Это Брюс, что ли, написал стихотворение? – спросила она наконец.

– Нет. Но имена этих людей настолько похожи, что разница просто несущественна [5, 545].

Приведенный диалог построен на социальном персифляже: Деннис, герой «Незабвенной» Ивлины Во, речь которого изобилует литературными реминисценциями, прочитал наизусть строки из Бернса в разговоре с героиней, далеко не искусственной в подобном искусстве. Та, в свою очередь, задумалась, пытаясь, вероятно, отождествить процитированный фрагмент (ср. ключевое слово «наконец»). Но это ей не удаётся, над чем Деннис и подшучивает, причём его ирония в последней реплике так и не доходит до сознания героини.

Эвристико-дискурсивный уровень является абсолютно интегрирующим уровнем понимания. Говоря об ОГС данного уровня, следует отметить, что он представлен различными схемами мыследействий реципиента, названными стратегиями, где требуется уже не автоматизированный логический вывод, а так называемое «дискурсивное мышление», при котором определённые этапы распределения смыслов текста носят характер осознанный, что часто сопровождается перцептивными остановками восприятия, т.к. требуется определённое время для осмысливания. В качестве примера можно назвать стихотворение В.Маяковского «О “фиасках”, “апогеях” и других неведомых вещах». Следует отметить, что выделить ОГС эвристико-дискурсивного уровня в дробь текста весьма затруднительно, поскольку реализуется он, как правило, на уровне целого текста. Локализовать подобные ОГС в отдельных участках текста также трудно, как локализовать такие явления, как тема и идея художественного произведения. Эти понятия являются производными целого текста. Вместе с тем большое разнообразие таких ОГС представлено в литературе, построенной на гротескном ключе, в частности в малом юмористическом жанре, а также в поэтике нонсенса. Анекдоты и эстрадные миниатюры отражают стереотипы обиденного сознания. Они являются литературными формами фольклора, которые существуют не только в устном, но и в письменном зафиксированном виде, и поэтому закономерно могут считаться целостными художественными текстами, как бы они ни были коротки. Это – часть филологии любого языка.

Ярким маркером ОГС в художественном тексте служит лексика поля понимания. Попутно отметим, что исследования поля понимания почти не представлены в многочисленных работах, посвящённых анализу различных лексико-семантических полей. Примерами языковых средств поля понимания являются глаголы: не понимать, не разобрать, означать, не переварить, не сказать; существительные: значение, понятие; прилагательные: непонятный, неясный; наречия: что-то; вопросительные наречия: как, что; выражения: как это, что это; вводные слова: наверное, вероятно и т.п.

В стиле художественной литературы все реализации ОГС преломляются через речевую характеристику персонажей или характеристику массовой коммуникации, приобретая, тем самым, функцию художественного приёма.

Полученные результаты анализа фактического материала свидетельствуют о том, что литература второй половины XIX и XX веков содержит больше всего ОГС логико-референтного уровня, что обусловлено частыми нарушениями условий коммуникации. Проблема понимания – это, прежде всего, проблема знания языковой компетенции. Об этом свидетельствует также и серия исследований, посвящённых систематизации коммуникативных неудач, в том числе и появившихся в последнее время.

Художественная литература также содержит большой процент ОГС социолингвистического уровня (около 35%), что связано с социальным расслоением общества и языка, особенно в Великобритании. Кроме того, вполне очевидно, что именно единицы социолингвистического уровня наиболее удобны для создания как речевого портрета пер-

сонажа, так и восстановления по этому портрету его социального статуса. Ведь мы знаем, что речевая характеристика персонажа является наиболее типичным средством прямой характеристики образа.

ОГС фоновно-этнического уровня характеризуется низкой частотностью в рамках эндокультуры (не более 10%) и предпочтительностью функционирования этой единицы в межкультурной коммуникации.

Что касается историко-филологического уровня, то здесь ОГС встречаются чаще в литературе постмодернизма, т.к. интертекстуальность является характерной чертой каждого современного художественного произведения.

Низкая частотность ОГС эвристико-дискурсивного уровня обусловлена практической невозможностью локализации этой единицы в текстовых фрагментах и необходимостью для такой реализации целого текста, а подобная форма ОГС в художественной литературе скорее исключение, чем правило. Вместе с тем фольклор и литература мало-го юмористического жанра резко отличается от художественных произведений именно тем, что проблема понимания является её тематикой, т.е. в ней актуализирована.

Психолингвистика и методика, в том числе и зарубежная, сейчас уже располагают серией фундаментальных исследований по проблеме понимания. Однако было бы ошибкой полагать, что современное состояние лингводидактики достигло такого уровня зрелости, чтобы ставить точку в исследовании этой проблемы.

Литература:

1. Байков В.Г. К построению системы герменевтических ситуаций //Понимание и рефлексия. Материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций. – Часть I. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та и с/х института, 1992. – С. 12-15.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 120 с.
4. Богин Г.И. Филологическая герменевтика: Уч. пособ. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1982. – 86 с.
5. Во И. Незабвенная //Во И. Избранное: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1974. – С. 502-598.
6. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 112 с.
7. Коцюбинський М.М. На віру //Твори в трьох томах. – Т. 1. – К.: Дніпро, 1979. – 317 с.
8. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
9. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое уч. пособ. – К.: Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.
10. Шмелёв И.С. Лето Господне. – М.: Худ. лит., 1989. – 404 с.
11. London Jack. Martin Eden. – Kiev: Dnipro Publishers, 1980. – 367 p.